

Яровой Андрей Викторович

Атональное пространство
в русской культуре

(по материалам Задонья, конец XIX - начало XX века)

Специальность

24.00.01 — Теория и история культуры (социологические науки)

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Диссертация выполнена в Ростовском государственном педагогическом университете на кафедре социологии и политологии

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Радовель Михаил Рувинovich

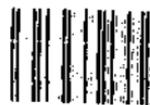
Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук, профессор
Литвиненко Елена Юрьевна

Ведущая организация: Ростовский государственный университет

Защита состоится «5» декабря 2003 г. в «12» ч. на заседании диссертационного совета Д.212.206.03 по социологическим наукам при Ростовском государственном педагогическом университете по адресу: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул.Б.Садовая, 33, РГАУ, ауд.202

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ростовского государственного педагогического университета по адресу: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Е Садовая, 33, РГПУ

Автореферат разослан «31 » октября 2003 г.

01101

Ученый секретарь
диссертационного совета

Хоронько Л. Я.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Вопросы и проблемы, связанные с ролью обрядов и обычаев в жизни различных социальных институтов, их влиянием на формирование маскулинности (мужественности) в русской культуре, утрачиванием мужчиной традиционной роли в семье и обществе, ростом юношеской инфантильности, с проявляющимся отказом женщины от роли хозяйки и матери, все чаще и чаще обсуждаются в обществе. Наметившиеся деструктивные процессы в социальной структуре, связанные не только с имущественным расслоением и влиянием массовой культуры, но и с изменениями в тендерном поведении, с упадком традиционных этических ценностей, потребовали рассмотрения возникших коллизий на уровне научного исследования. Считается, что причина обрисованных явлений лежит в сфере воспитания подрастающего поколения, особенно воспитания мужчины. В ситуации, когда в обществе происходят дестабилизационные процессы, взгляды людей устремляются в прошлое, к истокам и корням культуры. Поэтому автор, обращаясь к историческому, социокультурному материалу, рассматривает процессы, связанные с социализацией индивида (мужчины) в традиционной культуре и прежде всего влиянием ритуальной практики на формирование маскулинности.

Исходя из этого, следует отметить ряд обстоятельств, которые обуславливают актуальность изучения заявленной проблемы.

Во-первых, актуальность исследования тесно связана с той ролью, которую играет мужчина в обществе, с ее социокультурным аспектом.

Во-вторых, на изучаемой нами территории Ростовской области недостаточно рассматривались вопросы, связанные с мужской субкультурой и ее значением в социализации и инкультурации мужчины.

В-третьих, генезис и функции ритуальной практики в мужской субкультуре сельских общин Дона и Задонья, а также механизм сохранения и воспроизводства традиции в мужской субкультуре представляют научный интерес.

В-четвертых, в современной педагогической деятельности существует насущная проблема воспитания молодого человека как носителя и транслятора норм этнической культуры.

Географические границы данного диссертационного исследования определены территорией Ростовской области, в частности Задоньем, где в условиях степной местности во взаимодействии четырех этнических и субэтнических потоков (русских и украинских крестьян, донских и кубанских казаков) сформировались сельские общины с присущими им особенностями социокультурного развития, что вызывает научный интерес, связанный с современным характером существующих отношений на данной территории. Непосредственное рассмотрение особенностей задонских общин выходит за рамки данного исследования.

Территориальные границы, обозначенные нами как Задонье, имеют конкретную привязку к южной части бывшего Черкасского округа (ныне это юг Зерноградского и Егорлыкского районов), географически обозначаемую как Куго-Ейская степь. Термин Задонье можно считать устоявшимся в историографии, где он используется в качестве определителя земель Войска Донского, расположенных на левом берегу р.Дон¹. Также, рассматриваемые в работе станицы, как то: Мечетинская, Егорлыкская, Кагальницкая, относятся к Задонскому почтовому тракту, который фигурирует в официальных документах XVIII — XIX вв.².

Хронологические рамки работы ограничены концом XIX началом XX в. Нижний предел связан с начинающимися разрушительными тенденциями в крестьянской общине, которые явились следствием проникновения капиталистических отношений в село. Также это обусловлено исторической памятью информантов, чья социализация начиналась во время господства традиционных норм поведения, а заканчивалась при советской власти. В начале XX в. еще сохранялись институты мужской социализации, но после коллективизации и культурной революции 30-х годов, а также после Великой Отечественной войны начинаются необратимые процессы деградации традиционной культуры вообще и

¹ См. Зайдинер В.И., Ковынева С.А. Край родной. Зерноградскому (Мечетинскому) району - 75 лет. Ростов-на-Дону, 1999. С. И; Фрадкина Н.Г. Заметки по донской топонимии // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 7. 1997. С. 16. 0 том, что указанная территория именовалась Заднем, см. Сборник областного войска Донского статистического комитета. Вып. 4-й. Новочеркасск, 1904. С. 36.

² См. н-р, Государственный Архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 198. Л. 6. ДЛ 97. Л. 14.

мужской субкультуры в частности (имеются в виду традиционные институты мужской социализации).

Объектом научного исследования является ритуальная практика. **Предметом** исследования являются социокультурные механизмы ритуальной практики, а также их социализирующий аспект в традиционной культуре сельского населения Задонья.

Степень научной разработанности темы. Наиболее значимыми для понимания проблемы влияния ритуальной практики на процесс формирования маскулинности явились работы Н. Чернышева, В. Боржковского, Л.М. Варданян, А. Булатовой, В. Элашвили, Ю. Карпова, Н. Бондаря, Ш. Берн, С. Ушакина, Дж. Фрэзера, Б. Малиновского, А. Панченко, В. Тэрнера, В. Нечипуренко, Н. Толстого, А. Байбурина, Р. Барта, Т. Парсонса, Р. Жирара, В. Васильковой, М. Мид, Р. Бенедикт, И. Кона, Т. Бернштам, А. Лобка, А. Толстых, Э. Эрикссон, Д. Мид, Г. Тарда¹ и др.

Теоретические подходы в исследованиях, посвященных ритуалам, отличаются своим многообразием и противоречивостью. Так или иначе, каждый исследователь, обращающийся к сущности ритуальной практики, выдвигал свою объяснительную модель. Их условно можно разделить по тому, какую сторону ритуала они освещали: то ли по повторяемости формальных структур в различ-

¹ Чернышев Н.Н. К вопросу о «парубоцтве», как особой общественной группе // Киевская старина. 1887.Т.ХІ.№9; Боржковский В. «Парубоцтво», как особая группа в малорусском сельском обществе // Киевская старина. 1887.№5; Варданян Л.М. Традиционные мужские группы у армян (кон. XIX-начало XX в): Автореф. Дисканд.ист.наук.М.,1975; Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX - нач.ХХ в. Л.,1988; Элашвили В.Парикаоба (Хевсурское народное фехтование). Тбилиси,1956; Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Спб.,2001; Бондарь Н.И. Воины и хлебоборы (некоторые аспекты мужской субкультуры) // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 1. Майкоп,2002; Берн Ш. Тендерная психология.Спб.,2000; Ушакин С. «Человек рода он»: знаки отсутствия // О муже(М)ственности. М.,2002; Фрэзер Дж. Золотая ветвь.М.,1986; Малиновский Б. Магия наука и религия. М.,1998; Панченко А.А. Исследования в области народного православия.Спб.,1998; Тэрнер В. Символ и ритуал. М.,1983; Нечипуренко В.Н. Ритуал (опыт социально-философского анализа).Ростов н/Д.,2002; Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.,1995; Байбурин А.К. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность.Спб.,1992;Барт Р. Избранные труды.Семиотика.Поэтика.М.,1989; Парсонс Т. Система координат действия, общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая модель.М.,1994; Жирар Р. Насилие и священное.М.,2000; Василькова ВВ. Порядок и хаос в развитии социальных систем.Спб.,1999; Мид М. Культура и мир детства.М.,1988; Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры.Спб.,1997; Кон И. Социология личности. М.,1967; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-нач.ХХ в. Л.,1988; Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997; Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности.Спб.,2000; Эрикссон Э. Детство и общество.Спб.,2000;Мид Д. От жеста к символу // Американская социологическая мысль.М.,1994; Тард Г. Личность и толпа. Очерки по социальной психологии. Спб., 1903 и др.

ных обществах (Дж. Фрэзер, А. Ван Геннеп), то ли по акцентированию внимания на функциональной стороне ритуала (Б.Малиновский, А.А.Панченко). Видя в ритуале коммуникативный феномен, современные исследователи выделяют или знаково-ритуальную сторону явления (В.Тэрнер), или инструментальный, прагматический характер ритуала. Так, первые рассматривали ритуал как своего рода лингвистический код, придающий действиям и верованиям более глубокий смысл (Н.И.Толстой, А.К.Байбурин). Второй подход основывается на всестороннем изучении ритуальной коммуникации и ставит под сомнение наличие символических кодов ритуала (Ф.Барт). Отметим, что почти каждый из авторов основывал свои рассуждения на конкретном этнографическом материале и, исходя из этого, выдвигал определенную концепцию ритуала.

Современные теории ритуала имеют общую черту, отличающую их от описанных выше концепций – привлечением смежных дисциплин и использованием комплексного подхода (Р.Жирар, В.Василькова). Здесь авторы придают ритуалам упорядочивающую, структурирующую роль в социальной жизни. «С помощью упорядоченности, формальностей и повторений ритуал стремится заявить о том, что космос и социальный мир, или некая конкретная малая их часть, являются упорядоченными, объяснимыми и на данный момент неизменными»¹. Обилие подходов и концепций в разработке ритуала говорит о том, что в данном вопросе нет устоявшегося единого мнения, недостаточно рассмотрен механизм ритуала как явления семантического упорядочения отношений человека с окружающим миром, кроме того, под вопросом остается и проблема когнитивной природы ритуала.

Говоря о степени разработанности проблемы взаимоотношений ритуала и процесса социализации, следует отметить, что обычно анализу подвергался непосредственно сам процесс социализации¹. Этнографы, изучающие различные культуры, (М.Мид, И.Эйбл-Эйбесфельд, Р.Бенедикт), обращали внимание на методы воспитания, специфику детского туалета, отношения между взрослыми и детьми. Они считали культуру главным фактором, который ориентирует

¹ Цит. по В.Н. Нечипуренко Ритуал в контексте социально-философских и культурологических исследований. Ростов-на-Дону, 2001.С.22-23.

детей, как думать, чувствовать и действовать в обществе. Со спецификой социализации связывалось появление тех или иных черт характера; считалось, что культура навязывает стили поведения, включая позы и жесты (Т.Стефаненко, И.Кон). Половозрастному символизму посвящены работы Т.Бернштам, которая отмечала «важное, а в большинстве случаев и определяющее значение половозрастной классификации не только в жизнедеятельности и поведении членов любой социальной единицы, но также в архаичном сознании, составляющем ядро народного мировоззрения, а потому регулирующем бытовую и ритуальную сферу»². Половозрастная стратификация общества являлась главным звеном в процессе воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей. Социально-культурные процессы в русской общине рассматривали М.Громыко, Г.Волков, В.Кукушкин. В работах подобного типа раскрываются этнопедагогические характеристики социализации, функционирование отдельных возрастных групп в русской сельской общине, обращается внимание на внешнюю, обрядовую сторону явления. Авторы недостаточно исследуют вопросы, связанные с гендеро- и этноформирующими аспектами ритуальной практики, которая, например, в работах Г.Волкова, трактуется как элемент эстетического и в какой-то мере нравственного воспитания. Влиянию символических, ритуальных форм культуры на процесс социализации (первичной) уделяют внимание в своих работах А.Лобок, В.Хотинец. Причем последний автор отмечает, что игры ребенка, проходящие в атмосфере культуральных (обрядовых, ритуальных) духовно-событийных праздников напоминают карнавал. Карнавал как культурная форма человеческого бытия, имеющая свои четкие законы и правила, разворачивается в символическом пространстве, пространстве целеполагания смыслов, где символ допускает сложившиеся нормы и предписания и задает ориентиры создания новых.³ А. Лобок отмечал, что ритуал - это и есть та структура, посредством которой происходит навязывание избыточных семантических полей предметам и явлениям окружающего мира через механизм поименования - механизм пре-

¹ См. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. № 1. 2003. С. 109.

² Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - нач. XX в. Л., 1988. С.5.

³ Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. Спб., 2000. С. 143.

дания этим предметам и явлениям имен, идущих «мимо» реальных признаков предмета¹.

Пожалуй, работ, связанных с процессом социализации, наберется достаточно количество как отечественных (А.Толстых, Е.Новик, И.Кон, А.Артемов), так и зарубежных исследователей (Г.Тард, Т.Парсонс, Д.Мид, Э.Эриксон и др.). Первоначально это были работы скорее описательного характера, с чертами психологических школ и направлений, но с развитием структурной антропологии, семиотики, психоанализа, этнологических школ (особенно когнитивной антропологии) в них стали уделять внимание роли символических форм культуры в процессах социализации и инкультурации. При этом фактическим материалом могли служить локальные культуры и определенные географические районы. Отметим, что при этом территория Задонья подробно не рассматривалась, специальных работ по формированию маскулинности существует недостаточно.

С развитием тендерных исследований и приданием им историко-культурологического аспекта мужская субкультура обозначилась как *terra incognita* научных исследований. На этот вопрос стали обращать внимание в связи с изучением микроистории и женского пространства в культуре (Ю.Карпов, Ш.Берн, Е.Мещеркина, С.Ушакин, С.Жеребкин и др.). Сама «мужская субкультура» являлась объектом внимания этнографов и историков в XIX в. Существовал ряд работ описательного характера (Н.Чернышов, М.Дикарев, В.Боржковский) о молодежных объединениях на Украине, о мужских обществах на Кавказе (А.Булатова, В.Элашвили, Ю.Карпов), о мужской субкультуре у кубанских казаков (Н.Бондарь, А.Сопов), но нигде не рассматривался вопрос, связанный с формированием маскулинности в традиционной русской культуре. В последние годы появились работы, реконструирующие обрядовую культуру славянских мужских союзов, поднимался этот вопрос и в работах о духовной культуре донских казаков (В.Балушок, Б.Проценко). При этом следует отметить слабо разработанную концептуальную часть инкультурации мужчины, малую изученность локальных вариантов существовавших традиций на Дону и в Задонье.

¹ Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринодар, 1997. С.175.

ные. В современных работах, посвященных «мужественности», выделяют три основных дискурса, в которых происходит попытка переосмыслить содержание и конфигурации «мужественности»: плюралистичная мужественность, относительная мужественность, показательная мужественность. В работах подобного типа анализируется феномен «мужественности», впрочем, это осмысление зачастую диктуется парадигмой постмодернистской философии. Сам феномен мужественности выступает в качестве набора «дискурсивных практик», которые и определяют образ мужчины, дифференцированный и типизированный в современных условиях¹. В дискурсе о влиянии ритуальных форм поведения на становление маскулинной идентичности, отмечается делезовская ризома, движение мысли по поверхности явления без попыток заглянуть в сущность проблемы, что характерно для современной ситуации. Принцип цитатности (Д.Батлер) выходит на первое место, что, конечно же, ничего не говорит о формировании тендера, а лишь констатирует факт его наличия в культуре. Все это лишний раз подтверждает мысль о неопределенности пространства исследования маскулинности в традиционной русской культуре, в ее донском варианте.

В связи с вышеуказанным, исходя из актуальности настоящего исследования и недостаточной изученности проблемы, **целью** данной работы является изучение роли обычаев и обрядов в процессе сохранения и воспроизводства традиции в мужской субкультуре. Для ее достижения в работе ставятся следующие **задачи**.

1. Обобщить фактический материал по избранной теме и на его основе рассмотреть сущность и генезис предмета исследования.
2. Обозначить культурное пространство формирования маскулинности в традиционной культуре Задонья указанного периода.
3. Определить механизмы сохранения и воспроизводства традиций в мужской субкультуре Задонья через формирование базовых черт личности и доминирующие императивы поведения.
4. Рассмотреть влияние ритуальной практики на формирование тендерного стереотипа мужчины в сельской общине Задонья.

¹ Мещеркина Е.Ю. Социологическая концепция маскулинности // Социс. №11.2002. С. 15.

5. Выявить особенности процесса социализации индивида через постижение семантических полей ритуальных символов на конкретно-историческом материале Задонья.

Общетеоретическую и методологическую базу исследования составили работы русских, советских и зарубежных ученых, посвященные анализу ритуальных структур, формированию сознания, анализу психики, мышления, духовной жизни человека, социализации и формирования тендерного стереотипа мужчины. При проведении научного исследования автор использовал философские идеи А.Бергсона, К.Г.Юнга, В.В.Налимова, С.Лурье, а также теории социального конструктивизма П.Бурдьё, Э.Гидденса. Это продиктовано научными интересами автора и наличием концептуальной части философского подхода, который открылся при разработке предмета исследования. Обращение к идеям структуралистского и феноменологического конструктивизма вызвано тем, что в настоящее время социальная теория в целом находится в тисках мощного парадигмального кризиса, касающегося осмысления общепринятой картины социального мира (с его сквозной тематикой эволюционно-структурной упорядоченности) и метода, породившего эту картину мира. Этот кризис есть выражение тех кардинальных сдвигов в стиле мышления и понимания мира, которые знаменуют переход к неклассической и постклассической парадигме.¹ В качестве методологического инструментария послужили принципы историзма и культурного опосредования, а также функциональный подход, структурно семиотический подход культурно-исторической школы Л.С. Выготского, ретроспективный метод и нами предложенный метод анализа процесса инкультурации. Определенную роль сыграли положения психологической антропологии Р.Бенедикт, М.Мид, Э.Бургиньон.

Источниковая база исследования. Работа над настоящим диссертационным исследованием потребовала привлечения разнообразных источников, которые условно можно разделить на четыре группы.

¹ См. об этом: Алтухов В. Контуры неклассической общественной теории // Общественные науки и современность. 1992.№5; его же. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии)//Общественные науки и современность.1993.№1; Познание в социальном контексте.М.,1994; Смирнова Н. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // Общественные науки и современность.1993.№1 и др.

Полевые материалы, которые автор собирал на юге Ростовской области, в Зерноградском и Егорлыкском районе. Данная территория заселялась с севера и юга различными этническими потоками: в конце XVIII-начале XIX в. - русскими и малорусскими крестьянами, а с начала XIX в. - донскими и черноморскими казаками. Также следует отметить миграцию населения на рубеже XIX-XX вв. и большой поток переселенцев в первой половине XX в. Подробнее об изучаемой территории можно прочитать в Приложении 2. При работе с информаторами применялся метод анкетирования и беседы, в котором обращалось внимание на элементы воспитания, быта, календарной и семейной обрядности. Обработку данных информаторов можно увидеть в Приложении 5. Записи осуществлялись в станицах Мечетинской, Егорлыкской, селах Гуляй-Борисовка, Ново-Александровка, Светлоречное. Было опрошено более 20 информантов. Данные об информаторах помещены в Приложении 1.

Памятники материальной культуры. При определении генетических корней мужских ритуалов, для того чтобы показать их семантическую наполненность, автором были привлечены археологические источники: золотые бляшки из Елизаветинского городища (курган №8); изображение борцов на ободке хазарского серебряного ковша из Коцкого городища; ритон из Черной могилы. Во время работы использовались изобразительные источники: фрески киевской Святой Софии, владимирских и новгородских соборов (изображение борьбы Иакова с ангелом), летописные миниатюры Радзивиловской летописи, лубочные картинки из собрания А.Равинского, гравюра Щедровского из альбома «Сцены из русского народного быта», фотографии Дмитриева и др.

Фольклорные памятники. Богатый материал о реалиях мужской субкультуры содержится в былинах, исторических песнях, донских сказках, украинских думах, поговорках, присказках. Фольклорный материал включает различные упоминания и описания борцовских и кулачных поединков, единоборств перед войском, конных ристаний. Так, в песне «Аи, как народился на Святой Руси» о Васильюшке Буслаевиче мы встречаем традиционное описание взросления богатыря. Интересно, что само возмужание связано с борьбой, причем борьбой древнейшей, где используются рывки, захваты и толчки.

В песне «Как у нас было, братцы, на Святой Руси» представлена борьба казака с царем. Есть в донском фольклоре и песни из борцовского эпоса о поединке Аброськи с Кострюком. Интересно само построение песни, она делится на три части: стремительный сход, поединок и его последствие. Эта историческая песня повествует о соревновании, поводом к которому послужила женитьба Ивана IV на черкесской княжне Марии Темрюковне¹. В вариантах этой песни есть конкретные приемы борьбы, подготовки бойца, названия элементов.

Описания кулачных боев мы находим в казачьих сказках, что говорит о широком распространении их на Дону. Так, в сказке «Лебедь» из сборника В.Когитина описан поединок между казаком и бурлаком. Обращает на себя внимание психология бойцов. «Закипело у Ларьки нутро. Чирик вперед выставил» - это начало боя. «Заколотырились они, заспорили до одури. Раззадорили они друг дружку». И далее: «пошел бурлак на казака, словно гора на малую мышь двинулась, замахал руками, словно мельница крыльями. Отступил Ларька раз да два, потом как пустил все силы на кулак, точно супротивнику в лоб припечатал».²

Письменные памятники. Для сравнительного анализа автором привлекались работы донских историков и этнографов: В.Сухорукова, Е.Котельникова, А.Ригельмана, В.Броневского, С.Номикосова, П.Краснова и др. В этих работах нас прежде всего интересовали состязательные традиции донского населения, описание праздников и обрядов, которые авторы наблюдали сами или им рассказывали очевидцы. Интересные сведения о личных переживаниях казаков мы нашли в мемуарной литературе, в записях атамана А.К.Денисова, этнографа Х.И.Попова, казака Г.С.Попова. В художественной литературе, в произведениях Ф.Крюкова, М.Шолохова, Скрипова, Петрова (Бирюка), содержится огромный материал о предмете исследования, который, с поправкой на специфику повествования, может привлекаться как источник для культурологического исследования.

¹ См. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С.161.

² Казачьи сказки. Сост. В.Когитин. Волгоград, 1992. С.65.

Нами использовались работы И.Железнова и Л.Масянова, относящиеся к уральскому казачеству¹. Исходя из этнического состава изучаемого района, источниковая база может быть существенно расширена за счет привлечения украинского материала. Например, использованы работы Н.Ф.Сумцова «Культурные переживания», С.Н.Исаевича «Малорусские народные игры окрестностей Переяслава», А.Лебедева «О борьбе духовных властей в бывшей епархии белгородской с суевериями», Маркевича А.И. «Меры против вечерниц и кулачных боев в Малороссии»² и др.

Для анализа социализации в казачьей среде интересно отметить письмо Л.Беза, рассказывающего о традициях казачьего боевого искусства «Спас». Письменный материал по обычаям и обрядам донских казаков, который привлёкся для данной работы, содержится в фонде Х.И.Попова.³

Научная новизна диссертационного исследования в сущностном аспекте заключается в постановке и социологическом, историко-культурном анализе проблемы влияния ритуальной практики на формирование маскулинности в традиционной культуре сельского населения Задонья в конце XIX - начале XX в. Это может являться методологическим подспорьем для самостоятельных научных направлений в области как общетеоретического осмысления вопросов, связанных с инкультурацией, социализацией, ритуалогией, так и с практической деятельностью в области педагогики, искусства, этнопсихологии.

В содержательном аспекте научная новизна проведенного исследования выражается в следующем:

- в научный оборот вводится круг источников, связанный с рассматриваемыми процессами социализации мужчины на территории Задонья в конце XIX - начале XX века; при этом фактический материал собирался в полевых условиях, анализировался методом выделения функциональности того или иного ритуального элемента, рассматривался его знаково-символический уро-

¹ См.Железнов И. Уральцы. Очерки быта. Спб.,1888.Т.1; Масянов Л. Гибель уральского казачьего войска // Казачий круг. 1991№1.

² Лебедев А. О борьбе духовных властей в бывшей епархии белгородской с суевериями // К.С.1890.№1 .С.4; Исаевич С.Н. Малорусские народные игры окрестностей Переяслава // К.С. 1887. Т.УІ. С.485; Сумцов Н.Ф. Культурные переживания // К.С. 1889. №9. Т.ХХУІ; Маркевич А.И. Меры против вечерниц и кулачных боев в Малороссии//К.С. 1894. Т.Х.(сентябрь).

³ Без Л. Интерес моей мысли // Т.М.1992.№2; ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д. 24, 155, 1465.

- вень и определялся как элемент пространства, в котором формируются маскулинные черты;
- на основе анализа фактического материала выявлена сущностная основа ритуальной практики, которая представляет собой механизм семантического упорядочения отношений человека с окружающим миром; в ней происходит интуитивное распаковывание (В.Налимов) смыслов;
 - сформулирована идея о двух доминирующих императивах поведения мужчины в сельских общинах Задонья и показан механизм формирования гендерного стереотипа мужчины;
 - предложена дефиниция «агональное пространство» в качестве выражения сущностной основы маскулинности в традиционной культуре;
 - предложен метод анализа процесса инкультурации индивида в конкретно-исторических условиях Дона и Задонья конца XIX - начала XX века;

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для описания символического поля культуры, в котором происходит формирование мужчины, целесообразно использовать термин «агональное пространство» как часть пространства социокультурного. Под ним подразумеваются социальные, символические, текстуальные конструкции, в которых формируются стереотипы мужского поведения. Составными элементами такого пространства будут являться стихии постижения, у мужчин это - борьба, кулачный бой, конные ристания.
2. Ритуал выступает механизмом семантического упорядочения отношений человека с окружающим миром, он создает культурное пространство, являясь «точкой схождения смыслов», точкой сборки сознания. Здесь происходит процесс распаковывания смыслов при помощи творческой интуиции.
3. Механизм сохранения и воспроизводства традиции в мужской субкультуре Задонья предполагает синхронную и диахронную трансмиссию; сам механизм в казачьих общинах представлял собой освоение символических форм (стихий) атонального пространства - коня, оружия, борьбы.

4. Процесс инкультурации является поэтапным вхождением индивида в область мужской субкультуры через ритуальную практику и может быть разбит на фазы, ступени, этапы (тактильная, игровая, обучающая и др.).
5. Ритуальные формы поведения являются важным фактором в преодолении возрастных кризисов, кризисов идентичности и в формировании тендерной роли.

Практическая значимость. Проведенное исследование может быть значимо по причине того, что в обществе наблюдается смена традиционных стереотипов поведения, происходят изменения в тендерных ролях, разрушается русский менталитет.

Данная работа предлагает использование фактического материала для исследования мужской субкультуры в крестьянских и казачьих общинах Дона; позволяет глубже понять механизмы формирования этнического сознания и тендерного стереотипа. Исследование позволяет превратить индивида в транслятора народной культуры, что внесет свой вклад в дело возрождения России. Неоценимо будет значение данной работы при воспитании мужчин, воинов, патриотов своей страны. Работа позволяет рассматривать генетические процессы эволюции ритуальной практики в мужской субкультуре.

Основное содержание работы

Во введении к диссертационному сочинению ставится проблема, обосновывается ее актуальность, освещается степень ее изученности в отечественной и зарубежной историографии, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, дается характеристика различных видов источников, используемых в работе, определяются методологические принципы и научная новизна работы.

В первой главе «Основные понятия и методология исследования», состоящей из двух параграфов, дается интерпретация основных понятий и определяются методы и подходы, используемые автором в работе.

Первый параграф «Интерпретация основных понятий» определяет основную терминологию исследования. Понятие «мужская субкультура» постав-

лено нами в качестве определителя границ того культурного пространства, в котором формируется и существует мужчина. Считается, что мужское пространство создает контуры официальной культуры социума, в отличие от женского пространства, которое организует его центр и структуру. Полагая, что основу маскулинности в культуре составляет мобильная, лишенная статичности позиция мужчины, пронизанная состязательностью, борьбой (то, что греки называли агонем), мы, говоря о сущности мужественности, предлагаем использовать дефиницию «атональное пространство», подразумевая под ним символические, текстуальные конструкции, в которых формируются стереотипы мужского поведения.

Само понятие агона впервые ввел Я.Буркхарт, анализируя особенности греческой культуры; широко его использовал Й.Хейзинга в своих культурологических разработках игрового содержания культуры. В постмодернистской социологической модели Э.Гидденса считается, что индивиду предзадана не роль, а атональная общественная практика, которая проистекает из наличия в обществе силовых позиций, каковыми являются социальные позиции (автономные и зависимые).

Под агонем (αγών -agon, греч. состязание, борьба) понимается основной вид выступления в античном обществе, вся жизнь которого была пронизана принципом состязательности. Агоны были спортивные, музыкальные, поэтические, драматические. Нам представляется, что атональность как культурное и как психологическое пространство является реальным феноменом, который, разрешая дихотомические противоположности в культуре, порождает третью независимую величину разрешения. Бинарные оппозиции, как элементы описания картины мира, естественным образом разрешались борьбой на границе, как реальной, так и семантической. В раннее средневековье социальная среда воинства являлась активным носителем пограничного типа культуры (ср. дружинную культуру Северного Причерноморья). Именно в воинской культуре славянских дружин борьба и оружие занимали срединное положение между антагонистами (ср. «и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота...»). Подобные мотивы широко представлены в народной культуре. Инте-

ресно, что символическим образом России, по Г.П.Федотову, является кентавр - существо, соединившее в себе два начала: коня и человека. Амбивалентность русской культуры обостряет проблему и культурного пространства, в котором происходит формирование человека. С одной стороны, это патриархальность семейного уклада, ориентация его на Домострой, благодаря советам которого «везде ходил домостроевский жезл...сокрушались ребра или вежлевенько стегали жен и детей плеткой», с другой стороны, к той же женщине проявлялось уважительное отношение: перед несправедливо оклеветанной девушкой участники крестьянского схода кланялись в ноги и просили прощения. То есть проблема разрешения бинарных оппозиций в русской культуре многопланова, она пронизывает все стороны социальной жизни: от фольклорного текста до межличностной коммуникации, включая философские и культурологические концепции.

Рассматривая агональность как поле разрешения противоречий, а следовательно и поле формирования мужчины, обладающее высоким семантическим напряжением в силу пограничного нахождения - между культурными и этническими системами, мы определяем ему гендеробразующую роль мужчины, так как для женщины существует свое культурное пространство.

Агональное пространство культуры содержит в себе символические формы, выработанные общественным сознанием в период адаптации этносоциальной системы к «чужому» миру. Враждебность и трансцендентность его по отношению к индивиду заставляла последнего создать специфические символические формы, которые отталкивались от реальных предметов, связанных с войной, военным делом, охотой, состязанием за невесту и проч. Эти символические формы обладали реальным, вербальным и акциональным содержанием, как то: оружие, конь, борьба, кулачный бой.

Агональное пространство является сущностной категорией пространства мужского, идентичного мужской субкультуре, под которым следует понимать не только физические границы мужской функциональности в обществе, определяемой хозяйственными, социально-политическими и другими «материальными» факторами, но и пространство семиотическое, сопряженное с древними и

изменявшимися в ходе исторического времени идеологическими постулатами. Символические формы атональности выступают, если воспользоваться термином, предложенным В.Тэрнером, доминантными символами и увязывают мужскую субкультуру в единый механизм формирования маскулинности.

В нашем исследовании мы будем придерживаться точки зрения М.Херсковица, который различает понятия социализации и инкультурации. Под первым он понимает интеграцию индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который потребуется для выполнения социальных ролей (иными словами, интеграция в социальную структуру этносоциальной системы), а под вторым — освоение индивидом присущего культуре миропонимания и поведения, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов другой. Исследователи отмечают зыбкость этого разделения, так как оба этих понятия имеют множество толкований. Считается, что понятие социализации более универсально, а инкультурации специфично, но, как полагает Т.Стефаненко, если рассматривать развитие отдельной личности, то становится очевидно, что в этом процессе достигается специфичная для определенной культуры социализация и общая инкультурация. В нашем исследовании мы будем рассматривать эти понятия относительно мужской субкультуры сельских общин Задонья, что в какой-то степени роднит нашу работу с тендерными исследованиями, но отличается от них по используемой методологической базе.

Во втором параграфе «Методы и подходы в исследовании» рассматривается основная методологическая база работы. При анализе материала использовались традиционные для подобных работ методы исследования (синергетический подход, ретроспективный метод, функциональный подход, структурно-семиотический подход и др.), правда, некоторые вопросы потребовали применения совершенно новых подходов и выработки необходимой методологической базы. Применение того или иного метода диктовалось общей логикой, структурой работы, характером подлежащей рассмотрению проблемы и спецификой имеющегося в распоряжении автора конкретного материала.

Во второй главе «Сущность и генезис ритуальной практики», состоящей из трех параграфов, рассматриваются рудименты обрядовой культуры, обнаруженные нами на территории Задонья, в которых ярко выражена роль мужчины.

В первом параграфе «Синхронный срез традиции» был рассмотрен имеющийся фактический материал в синхронном срезе; соотнося факты друг с другом, выявлено «культурное ядро» явления. Было установлено, что основой мужской субкультуры являются состязательные традиции, как то: конные ристания, борьба и кулачный бой (мы отделили их от игровых видов, считая их наиболее ритуализированными). Они составляют агональное пространство культуры, в котором происходит формирование мужчины. В казачьей среде, в отличие от крестьянской, эти явления были подвергнуты влиянию сословной культуры, требовавшей подготовки закаленных, умелых, вымуштрованных воинов, что в конечном итоге и сформировало систему воспитания и испытания молодого поколения.

Во втором параграфе «Генезис ритуальной практики» были выявлены генетические корни атональных явлений. Мы пришли к выводу, что наиболее явно в состязательных традициях прослеживаются мотивы брачных боев, родовых инициации, военно-траурных обрядов и календарных праздников земледельческих и воиноких общин. Причем, в основе их лежит присущее мужской субкультуре понятие границы между «своим» и «чужим», между порядком и хаосом.

В третьем параграфе «Сущность ритуальной практики», используя синергетический подход, мы выстроили объяснительную модель сущности ритуальной практики, установив ее связь с информационными управляющими системами этноса, имеющими семантическую структуру с определенным строением и аффективными механизмами воздействия на психику коллектива и индивида через различные функциональные особенности видов ритуалов, типизация которых была представлена в тексте.

В третьей главе «Сохранение и воспроизводство традиций в мужской субкультуре», состоящей из трех параграфов, дается социологический анализ

процессов социализации и трансмиссии социокультурного опыта мужчины в сельских общинах Задонья.

В первом параграфе «К вопросу о трансляции культуры» было установлено, что передача опыта осуществляется не только через принцип «делай как я», но также посредством вовлечения ребенка сначала в игровую деятельность, а затем взрослого - в деятельность ритуальную. В первом случае ребенок попадает в семантические поля символов, еще им не распакованных смыслов, которые он открывает для себя интуитивно; его не только учат, каково утилитарное значение символа, но и сам символ опосредованно влияет на сознание человека. Во втором случае, входя в область символических форм, человек испытывает их аффективное значение и использует знание, данное ему традицией для расширения смысловых полей символов.

Во втором параграфе «Базовые черты личности и возрастные когорты» был рассмотрен процесс социализации, который проходил в возрастных когортах, где под воздействием военно-физического и трудового воспитания формировались базовые черты личности; они, как выяснилось, имели определенные отличия и сходства в сельских общинах Задонья. Эти базовые черты личности были опосредованы этническими константами и доминантными символами, отразившими традиционное сознание этноса.

В третьем параграфе «Ритуальная практика и гендерный стереотип» было показано, что формирование тендерной роли в казачьей (военизированной) общине и крестьянской общине различно. Различаются как императивы поведения, так и базовые личности. Ритуальная практика, концентрируя в себе «стихии» атонального пространства, является одним из основных показателей механизмов формирования маскулинности в традиционном обществе. Эти стихии, включая в себя оружие, коня и рукопашные состязания, охватывают всю возрастную дифференциацию мужчины.

В главе четвертой «Освоение традиции в мужской субкультуре», состоящей из трех параграфов, мы рассматриваем процесс инкультурации индивида через ритуальную практику, то есть определяем, как сам индивид осозна-

вал влияние военно-физического воспитания, как он входил в символическое поле обряда через осознание этнической картины мира.

В первом параграфе «Освоение стихий агонального пространства» на конкретно-историческом материале рассматриваются фазы (предобрядовая и обрядовая) и ступени (тактильная, игровая, обучающая) инкультурации через ритуальную практику. Входя в область культурного символа (будь то конь, оружие или борцовский прием), индивид в постижении его проходит указанные фазы инкультурации, при этом происходят метаморфозы его психики, которые своей аффективной природой могут быть разрушительны как для индивида, так и для общества. Ритуальная символика придает психике индивида энтелехию индивидуации, причем аффективная природа ритуала настолько мощнее его психических флуктуации, что развитие личности в традиционном обществе зачастую протекает бескризисно.

Во втором параграфе «Синтез ритуала» рассматривается семантика ритуальных действий агонального пространства культуры. При этом обращается внимание на локативную и темпоральную стороны обрядового действия. Три стихии (конь, оружие и борьба) соединяются воедино, актуализируя атональное пространство, и индивид, вовлеченный в обряд системой правил, «считывал» смысловые единицы символических полей культуры, которые оказывали определяющее значение в становлении личности и ее индивидуации в психических пограничных ситуациях.

В третьем параграфе «Ритуал как метод воспитания» рассматривается практическое применение основных положений работы в условиях современной системы образования. Отмечается, что использование ритуализированных форм воспитания в учебных заведениях будет способствовать формированию успешной маскулинности. Социализация индивида в актуализированном атональном пространстве породит устойчивый тендерный стереотип мужчины как защитника Отечества, рода, семьи и будущего кормильца своей Родины.

В заключении диссертации подводятся основные итоги и выводы.

Апробация работы осуществлена диссертантом в форме выступления на студенческой научной конференции РГУ, Ростов-на-Дону, апрель 2001 года, в

июне 2002 г. - на научной конференции в г.Майкопе, посвященной вопросам истории и культуры казачества. Материалы диссертации регулярно используются в процессе преподавания в Светлореченской средней школе №10 Зерноградского района, на уроках истории и обществознания, факультативных занятиях, на заседаниях РМО. Также основные положения исследования применяются в работе казачьего центра дополнительного образования г.Зернограда «Ермак».

Основные положения диссертации были высказаны в следующих опубликованных работах:

1. Яровой А.В. Мифология кулачного боя / А.В. Яровой // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. №8. Ростов н/Д., 2000.- 0,4 п.л.
2. Инкультурация в среде донских казаков // Рубикон. Сборник научных статей молодых ученых. Вып.№11. Ростов н/д., 2001.- 0,8 п.л.
3. К мифологической интерпретации свадебного обряда // Рубикон. Сборник научных статей молодых ученых. Вып.№13. Ростов н/д., 2001.- 0,3 п.л.
4. Агональное пространство культуры // Рубикон. Вып.24. Ростов н/Д., 2003-0,6 п.л.
5. Воинские состязания в среде сельского населения Задонья // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2002.- 1,2 п.л.

Работа состоит из введения, 4 глав включающих 11 параграфов, заключения, приложений и библиографического списка использованной литературы, насчитывающего 349 наименования. Общий объем диссертации 144 листа машинописного текста.